

Андреев, Ю. Литература о Великой Отечественной войне [Текст] : [фрагмент статьи о повести Васильева «А зори здесь тихие...»] / Ю. Андреев // Андреев, Ю. Советская литература : ее история, теория, современное состояние и мировое значение : книга для учащихся 10 классов средней школы / Ю. Андреев. – Москва : Просвещение, 1988. - С. 210-214.

До символа, и героического и трагедийного одновременно, возвышается подвиг старшины Васкова и пяти девушек-зенитчиц, изображенный Борисом Васильевым в повести «А зори здесь тихие...»

Сильное эмоциональное впечатление, которое эта повесть производит при первом чтении, еще более возрастает, когда начинаешь читать ее аналитически. Оказывается, она чрезвычайно коротка: немногим больше 30 журнальных страниц! Это значит (поскольку содержание ее видится огромным), что в данном случае лапидарность произведения соответствует глубинной специфике искусства: автор остановил наше внимание лишь на тех моментах действительности, которые *общеинтересны* и способны взволновать *каждого* лично, и до минимума свел элемент безлично-информационный.

«Пенек замшелый: в запасе двадцать слов, да и те из уставов. Кто же его всерьез-то принимать будет?» Так оценивают старшину Федота Васкова в начале повествования подчиненные ему девушки-зенитчицы. «А они, не гляди что рядовые, — наука: упреждение, квадрант, угол сноса. Классов семь, а то и все девять, по разговору видно». Так воспринимает своих подчиненных старшина Федот Евграфович Васков, испытывающий в то же время крайнее недоумение, а порою и возмущение по поводу их сугубо неуставного поведения на войне.

А потом Рита Осянина увидела утром в лесу двух немцев-разведчиков, и старшина Васков, отобрав пятерых девушек, отправился наперерез немецкой разведке — не дать ей произвести диверсию на железной дороге.

Старшина и девушки идут через топь, одна из них оставляет в болоте сапог; перейдя на сухое место, старшина разрешает помыться и отдохнуть, и автор с нескрываемым юмором продолжает следить за его недоумением.

«Крикнул зычно:

— Готовы, товарищи бойцы?..

«Ну, так и знал» — Федот Евграфыч усмехнулся, покрутил головой и только разинул рот, чтоб шугануть их, как Осянина опять прокричала:

— Идите! Можно!..

Это старшему-то по званию, «можно» кричат бойцы! Насмешка какая-то над уставом, если вдуматься. Непорядок».

Успешно добравшись до места засады и пообедав, они заняли огневую позицию. Нет немцев и нет, и засомневался старшина: верно ли он понял их замысел? Но потом сообразил, что у немцев-то путь подлиннее, чем у них, должны они устать и прилечь где-нибудь до солнышка. И верно: утром услышали они сорочий крик над лесом. И вот на опушку леса выскользнули двое. А за ними — еще четырнадцать! Шестнадцать до зубов вооруженных, специально обученных диверсантов, — и отряд Васкова по его команде начал отход.

«Эх, пулемет бы сейчас с полным диском и толковым вторым номером! Даже бы и не дегтярь — автоматов бы тройку да к ним мужиков посноровистей... Но не было у него ни пулеметов, ни мужиков, а была пятерка смешливых девчат да по пять обойм на винтовку. Оттого-то и обливался потом старшина Васков в то росистое майское утро...»

И далее — далее начинается подвиг инициативы, подвиг активности, подвиг гражданского и воинского долга, который и определяет смысл жизни и поведения старшины Васкова и его необыкновенных бойцов.

«Шестнадцать автоматов — это сила. В лоб такую не остановишь. И не остановить тоже нельзя...» — размышляет старшина вслух. «Надо с пути сбить. Закружить надо, в обход, вокруг Легонтова озера направить. А как? Просто боем — не удержимся. Вот и выкладывайте соображения».

Нет, не напрасно писатель бросил как бы мимоходом перед тем фразой, что хотел было по привычке шумнуть Васков на девчат за неуставное их поведение, но как в глаза заглянул их напряженные, так и сказал, «словно в бригадном стане»: «Плохо, девчата, дело...»

И впрямь сообщая, *по-колхозному*, и впрямь как люди, сплоченные долгой совместной жизнью, родством, общим делом, общим желанием, начинает жить и действовать его коллектив. И предлагают ему девчата: «А если бы диверсанты лесорубов встретили?..»

...Немцы, услышав шум, почуяв дым костров, увидав людское мелькание и купающуюся Женю Комелькову, отошли: им нельзя было себя обнаруживать, а сколько народу им попало, они знать не могли. Поэтому они избрали другой, более длинный путь к цели своего движения. И в той охоте неизвестно кого за кем, когда одна за другой гибнут его девушки, когда безжалостно мстит за них старшина Васков, — его воля, его действия определяются всем его опытом и знаниями, всем его разумом, всем желанием исполнить то, в чем видит он цель своей жизни.

Максимальное раскрытие возможностей человека в своем деле, которое вместе с тем и одновременно является народным делом, — таков смысл обобщения, извлекаемого нами из истории страшной и неравной борьбы, в которой победили раненный в руку Васков и

погибшие все до одной его девушки.

«Одно знал Басков в этом бою: не отступать. Не отдавать немцу ни клочка на этом берегу. Как ни тяжело, как ни безнадежно—держать... И такое чувство у него было, словно именно за его спиной вся Россия сошлась, словно именно он, Федот Евграфыч Басков, был сейчас ее последним сыном и защитником. И не было во всем мире больше никого: лишь он, враг да Россия».

Помним мы, как до начала борьбы «пеньком» пренебрежительно девушки его называли, но вот когда встретились расставшиеся с ним в бою, бросились Рита и Женька к нему:

«Повисли на нем обе сразу, целуют — грязного, потного, небритого...

— Ну что вы, девчата, что вы!..

И сам чуть слезы сдержал. Совсем уж с ресниц свисали: ослаб, видно».

Но неравное сражение продолжается. Смертельно — осколком гранаты в живот — ранена Рита, и, чтобы отвлечь врага от нее и от старшины, вызвала огонь на себя и погибла Женя. И спрашивает Басков Риту в безмерном отчаянье, поймут ли люди, почему «мужики мам наших от пуль защитить не смогли... а сами целенькие? Дорогу Кировскую берегли да Беломорский канал?..»

«— Не надо, — тихо сказала она. — Родина ведь не с каналов начинается. Совсем не оттуда. А мы ее защищали. Сначала ее, а уж потом канал».

Басков, действуя уже на пределе человеческих возможностей, снял часового у избушки, где спали оставшиеся диверсанты, убил последней пулей из своего нагана метнувшегoся за оружием немца и, угрожая гранатой без запала остальным, заставил их связать друг другу руки, «а последнего Федот Евграфыч лично связал». Сознание его на последней паутинке висело, когда вел он их, и «боль такая во всем теле горела, что рычал он от боли той. Рычал и плакал: обессилел, видно, вконец. И лишь тогда он сознанию своему оборваться разрешил, когда окликнули их и когда понял он, что навстречу идут свои. Русские!»

Повесть эту — при желании понять секрет ее незаурядного успеха — следовало бы подробно проанализировать в разных аспектах. Можно было бы показать, что ее поэтика отражает и художественно сгущает поэтику самой жизни, самой правды. Поэтика эта чужда прямолинейного геометризма, но передает поступь закономерности через факты пестрые, случайные, противоречивые; ее характеризует синтез, органическое переплетение смешного и трагического, мелкого и великого, бытового и бытийного — как в самой многосложной жизни. Особой темой мог бы стать анализ тех многочисленных средств, с помощью которых Б. Васильев раскрыл глубокую народность характера Васкова и его национальную специфику, причем

народность и национальное своеобразие в их исторически обусловленной временем форме. В подобном анализе повести «А зори здесь тихие...», безусловно, важное место заняло бы осмысление темы наследования, этой вечной темы мировой литературы: недаром же Старик в рассказе Э. Хемингуэя «Старик и море» все время думает о том, как не хватает ему помощи Мальчика; недаром же в классическом рассказе М. Шолохова «Судьба человека» Андрей Соколов берет под свое крыло обездоленного мальчугана, чтобы вырастить его таким же замечательным гражданином и человеком, каким был он сам. Рита Осянина перед смертью рассказывает Васкову, что у нее есть сын Алик, трех лет. Из эпилога мы узнаем, что Алик ныне — капитан ракетных войск, что он — Альберт Федотыч и величает Васкова «тятей». Верной души человек, Федот Басков вместе с сыном устанавливает мраморную плиту: за речкой в лесу он нашел Ритину могилу по известным лишь ему приметам. И судя по тому, что мы узнали из повести о Васкове, мы можем без тени сомнения считать, что воспитанный им человек будет Человеком. Да, Альберт Федотыч получил высшее образование и этим отличается от воспитавшего его отца, но дух его будет таким же благородным, как у того.

Таким образом, небольшая по числу страниц повесть Б. Васильева дает большие основания для многоаспектного и серьезного разбора идейно-художественных достоинств современной советской литературы. Но здесь о ней говорилось лишь в связи с тем, что книги о войне убедительно раскрывают такой секрет нашей победы в Великой Отечественной войне, как массовая инициативность советских людей всюду, где бы им ни довелось сражаться,— выковыывая ли победу в тылу, сопротивляясь захватчикам в плену и в оккупации или воюя на фронте. Эта инициатива, имея самое прямое и непосредственное отношение к периоду войны, конечно же, по своему идейному значению и воздействию на читателей далеко выходит за рамки лишь четырех лет — с 1941 по 1945 годы. Эта коренная особенность нашей действительности, находящая проявление в эстетическом идеале советских писателей, проистекает из характера Советской — народной — власти.